

Пыталась быть женщиной, а не воином

В центре Москвы в доме на пятом этаже, где протекает потолок, а из окна ванной виден Кремль, живет актриса Катерина ГОЛУБЕВА.

Эту квартиру она когда-то получила за то, что, как и многие тогда, работала дворником. Трижды картины с ее участием были представлены в Канне. Она снималась в Литве, Германии, Франции, Голландии. Работала с всемирно известными режиссерами, среди которых — Шарунас Бартас, Клер Дени, Леос Каракс. Практически каждый фильм с ее участием завоевывал тот или иной приз на крупных международных фестивалях. Режиссеры на Западе считают удачей уговорить русскую актрису сняться в своем фильме, для наших Голубева — тегта *insomnia*. Однако лед тронулся: на наши экраны выходит сериал Кирилла Серебренникова, в одной из серий которого в главной роли современной исполнительницы — этакой "отмороженной" Кармен — снялась Катерина Голубева.

— На Западе по возможности я отказывалась от интервью, не отвечала на письма поклонников, не давала автографов, не участвовала в тусовках. Мне это было не нужно. В Аргентине в шутку меня называли контрактрисой. А в России я столкнулась с тем, что меня не знают, и впервые почувствовала, как необходимо творческому, да, впрочем, любому человеку вниманию.

— После успешной работы на Западе, в том числе после главной роли в фильме французского режиссера Леоса Каракса "Пола X" был момент затишья. И вот вы снялись в сериале Кирилла Серебренникова "Ростов-папа", в фильме "Мужчины его женщины". Как складывались отношения на съемочной площадке?

— Отношения в группе Кирилла были человеческие, там работали профессионалы. Моими партнерами стали Ольга Хохлова, сын известной актрисы Любви Полищук замечательный актер — Алексей Макаров, Анатолий Лобозкий, Всеволод Шиловский. Отношения могут быть какими угодно, но за пять минут до съемок партнер — неприкосновенная личность. Урок взаимоотношений внутри группы мне дала Клер Дени, и я ей за это благодарна. Она мне говорила: "Когда ты видишь, что группа в тяжелом положении, актеры находятся в трудной ситуации, ты сама не имеешь права поддаваться. Если вокруг все плачут, все психуют, все раздражаются, ты должна смеяться, потому что ты, как спортсмен, не должна терять форму. Ты не имеешь права на провал". И когда я грустно так на нее посмотрела, она добавила: "Успокойся, Катюшенька! Когда все станет очень хорошо, то ты и отыграешься, ты сможешь и капризничать, и плакать, и скандалить, потому что все вокруг хорошо и этим ты гармонию не нарушишь". Мне это очень нравится, включаются совсем другие механизмы. Это как в большой семье: ты ответственный за все то, что в ней происходит. Клер учила меня, что никогда нельзя выходить на площадку с тяжестью на душе, загружать своими проблемами других людей. Твое настроение передается другим. Речь не идет о том, что сама роль тяжелая. На душе у актера должно быть хорошо.

Кирилл — тонкий и очень интеллигентный человек. Невероятная доброжелательность и нежность к актерам вызывают, конечно, ответные чувства. Как и после большинства картин, осталась тихая грусть, что все закончилось и уже ничего не повторится. После каждой картины наступает момент,

когда я будто бы останавливаюсь во времени и не могу сообразить, как мне жить дальше. Сержусь на себя: нельзя же за семь дней настолько привязываться к людям!

— Героиня в фильме была историком смерти, она так активно добивалась своей цели, что ее вам, наверное, было трудно полюбить?

— Она не добивалась своей цели любыми путями. Если бы ей были нужны прописка и квартира — любой из ее мужчин мог бы ей это дать. Нет, там была другая тема. Человек, как птенец из гнезда беды. Он выпал из него, хочет жить, а ...запах гнезда все время рядом. Ее цель — забыться. Забыть этот запах. А он преследует. Не все получилось. Это мой дебют в сериале. Но если за семь дней удалось снять хотя бы пять минут полезного времени, по западным меркам — это очень неплохой результат.

— Что есть в профессии актера притягательного? Вы вот говорите, что иногда не любите ее, но вновь возвращаетесь к ней.

— Каждый актер как бездна. Для того чтобы захотеть стать им, должно быть желание не просто любви, а публичной любви, не просто страданий, а публичных страданий. Вот это и есть бездна. И поэтому актеры для меня — отдельный тип людей. Чем актер больше и лучше, тем больше бездна. При всей полноте чувств и широкой амплитуде в любом артисте есть что-то, что зовется "нелюдь". Я не могу дать этому определения, но Филатов точно сказал, что это "сукины дети".

— Трудно ли жить между Москвой, Питером, Литвой, Францией?

— С одной стороны, я очень привязываюсь и привыкаю к людям, а с другой — у меня через какое-то время появляется желание все бросить и нестиеситься вскачь на лошади. Кажется, я пойму что-то такое важное, что все время от меня ускользает. Потом я вроде приземлюсь, вроде бы это все навечно. Потом опять — толчок, и вновь надо бежать. Мне всюду было хорошо. Всюду. В Литве, во Франции, в Германии. В Ростове, где мы снимали сериал. Но я не знаю, что будет дальше. И если раньше у меня была какая-то иллюзия, что вот мне просто не хватает какой-то стабильности, прописки и беленкой, чистой квартиры, теперь такой иллюзии нет. Во Франции мне предложили хорошую работу и вид на жительство, но полгода я уже жила под гнетом ностальгии — это физическая боль, как будто тебе на грудь положили тяжеленный камень. Бросив все, понеслась в Россию, в ту, по которой тосковала.

Два года была счастлива, радовалась тому, что я на родной земле и вокруг меня родные люди, на третий год реальность стала приобретать жесткие очертания. Я не могу найти работу и чувствую, что практически никому не нужна. Фильмы, в которых я снималась и которые получали международные призы на фестивалях, здесь часто вызывают недоумение. Растет страх: у меня двое детей. Выхода я пока что не вижу. Во время московской Недели французских фильмов Франсуа Озона, узнав, что я не работала после "Полы X", Франсуа сказал мне: "Ты отдаешь себе отчет в том, что происходит? Наверное, ты просто националистка. Почему ты ничего не делаешь?" Недавно я зашла в актерское агентство, они мне предложили работу в сериале типа "Ералаш". Когда я удивленно на них посмотрела, мне сказали: "Мы же не виноваты, что вас зовут только на это". Последнее время я живу с ощущением какой-то серьезной ошибки, я очень хочу работать в театре, но десять лет перерыва не вычеркнуть. Мне не решиться на то, чтобы пойти куда-то показываться. То, что было легко после института, когда мы все чувствовали себя великими, очень сложно теперь. Тем более что я никогда не выбирала. Выбিরали меня на роль. Я хочу быть там, где я нужна. Очень важно, чтобы в меня верили. Единственное, чего мне сейчас не хочется и из-за чего от двух проектов во Франции я отказалась, — я уже не могу играть трагичных измороженных персонажей. Мир и так уже воеет по-волчьи, и нужно что-то другое. Я смотрела фильм, где девушка, утешая главного героя, рассказывает историю про тибетского монаха. Монах настиг тигр уже над пропастью, а внизу долины был другой тигр. И вдруг монах увидел, что у него перед лицом висит огромная земляника, он сорвал ее и съел. Сейчас, во времена пресса, всем тяжело, не хочется земляники. Пусть над пропастью, пусть в последний раз. Такой вот красной, белой, пахнущей солнцем. И мне хочется что-то такое сыграть, чтобы быть не во власти страдания, а находить выход в любых ситуациях.

— Расскажите о своей семье.

— У меня двое детей. Старшему уже тринадцать с половиной, младший будет пять. Две собаки, замечательная кошка. Попугай, канарейка. Много цветов. И нас так хватает друг другу, что кажется, семья у нас полная. И сплоченная. Без детей мне бы не выдержать очень многих вещей. Они меня воспитали. В свое время муж и режиссер Шарунас Бартас воспитывал меня как бойца быстрого реагиро-

вания, самурая. Это меня очень угнетало. Я пыталась занять место женщины, а не воина. Дети меня организуют во всем. Они мне очень помогают, и я не вижу уже черного и белого, не закливаюсь на хронической стирке, денежных проблемах. На самом деле хорошо живу, созидательно. Дети растут, животные толстеют, цветы зацветают.

— Сын Дмитрий — гражданин России, дочь — Инна-Мария — гражданка Литвы. Трудно ли быть мамой граждан двух государств?

— Я об этом даже не хочу говорить. Я очень радуюсь, что и старший сын, и дочка говорят и на французском, и на литовском. У меня нет понятия гражданства, я просто знаю, что без России начинается ностальгия. Конечно, у меня русские дети. Какие они граждане, все равно. Только грустно, что бесконечная путаница мешает жить. Актрисой признала меня Литва. И на международных кинофестивалях объявляли литовской актрисой. Сначала я пыталась сопротивляться, но потом была благодарна Литве, что я хоть чья-то актриса.

— После съемок на Западе у различных режиссеров вокруг вашего имени возник миф о неуживчивом характере, с одной стороны, и необыкновенном артистизме и обаянии натуры — с другой.

— Я изо всех сил пытаюсь быть честной. Часто могу ошибаться, не знаю, как поступить. Очень благодарна людям, которыми я "обрастаю". Проходят годы, и вдруг через 8 — 10 лет они появляются. Но может быть, они меня немножко придумали? Я обо всем этом и не задумываюсь. Но есть ситуации, в которых я себя чувствую животным, которое не совсем понимает, что от него требуют. Какие-то есть правила, наблюдения которых от него ожидают. И от этого начинает пугаться, рычать. Справиться со мной легко: меня достаточно пожалеть, и я становлюсь мягкой, податливой.

— На Западе вы работали в основном в авторском кино. Чему вы отдаете предпочтение сегодня?

— Хороший фильм — это хороший фильм независимо от того, авторский он или нет. Говорят, что теперь авторское кино сделать все труднее. Но это проблема его создателя. Значит, его интересы и его проблемы настолько малы, что интересны только ему одному. Тогда это уже не кино, а психотерапия для автора.

Беседу вел
Наталия ЮХНЕВИЧ

Фото И. КАЛЕДИНОЙ

